

ВИКТОР МАКСИМОВИЧ ЖИРМУНСКИЙ

Смерть Виктора Максимовича Жирмунского — огромная, невозполнимая потеря. Академик В. М. Жирмунский был крупнейшим советским филологом, оставившим огромный след во всех без исключения отраслях филологии. Ведущую роль играл Виктор Максимович и в области фольклористики, как глава школы сравнительно-исторического изучения фольклора и средневековой литературы, и как автор ряда ценных монографий, многочисленных статей, докладов на международных и общесоюзных конгрессах, как редактор изданий эпосов различных народов и т. д. (общее число его трудов по фольклору — свыше ста, общее число всех его работ примерно в пять раз больше).

Научно-литературная деятельность В. М. Жирмунского началась в 1913 г. серией исследований по немецкому романтизму; первая работа по фольклору — статья об английской народной балладе была напечатана в 1916 г. Во второй половине 20-х годов Виктор Максимович провел капитальное исследование фольклора, диалектологии и этнографии немецких переселенцев (колонистов). Плодом полевой этнографической работы были, в частности, многочисленные тексты и ноты немецких народных песен (около 5000), богатейшие диалектологические материалы и этнографические наблюдения, которые обобщены в капитальной монографии, опубликованной по-немецки в Харькове. Некоторые песни, не известные фольклорным традициям Австрии и Германии, были включены впоследствии в классическое собрание баллад Джона Майера. Обработывая материалы своих экспедиций, В. М. Жирмунский внес вклад в разработку принципов лингвистико-этнографического картографирования. Его идеи в этой области будут учтены в разрабатываемых ныне в Институте этнографии АН СССР работах по картографированию обрядов и других фольклорных явлений.

Как продолжатель научных традиций академика А. Н. Веселовского В. М. Жирмунский с самого начала проявил большой интерес к исследованиям сравнительно-исторического плана, в том числе в области эпоса. В 1918—1919 гг. он читал в Саратовском университете лекции по сравнительному изучению средневекового эпоса. Однако в 20-е и 30-е годы сравнительно-исторический метод применялся им в основном, в литературоведческих трудах («Байрон и Пушкин» 1924 г., «Гете в русской литературе» 1937 г. и др.). В 1936 г. Жирмунский написал статью о сравнительном литературоведении. Сравнительный метод он использовал также в ряде работ, посвященных «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского и в особенности в содержательной обширной статье «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения», где на первый план выдвинуты как раз фольклорные материалы. С начала войны и почти до конца жизни сравнительные исследования в области эпоса (сохраняющиеся в формах устного бытования героического эпоса народов СССР, преимущественного тюркоязычных) находились в центре научных интересов В. М. Жирмунского.

В. М. Жирмунский выступил с рядом теоретических докладов по вопросам сравнительного изучения эпоса. Самый значительный из них — программный доклад на IV Международном конгрессе славистов в 1958 году «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». Написанная совместно с узбекским фольклористом Зарифовым книга «Узбекский героический эпос», монографии

об Алпамыше, Манасе, исследования сказаний об Идиге и его потомках — ногайских богатырях, о средневековом огузском эпосе, о Кёр-оглы, об особенностях тюркского эпического стиха и типах сказителей открыли совершенно новый этап в изучении тюркскоязычных эпоев. В этих работах скрупулезное изучение истории и этнографии тюркских народов, форм устного бытования эпоса, местных школ сказителей и т. п. велось на широком сравнительно-историческом фоне с привлечением материалов эпоса монгольских, славянских, германских и финно-угорских народов (сравнительные материалы особенно широко привлекаются в замечательной книге «Алпамыш и богатырская сказка»). А это, в свою очередь, дало возможность исследователю не только осветить конкретную историю отдельных эпических памятников, но и разработать некоторые важнейшие аспекты теории эпоса (генезис героического эпоса и пути его жанровой трансформации, классификацию жанровых разновидностей эпоса, соотношение эпоса и сказки, поэтическую биографию эпического героя, роль этногенеза в ходе развития и распространения эпоса, вопрос о проницаемости эпоса для международных влияний, соотношение эпоса с историей, вопросы метрики и многие другие).

Вместе с тем В. М. Жирмунский был весьма далек от традиционного «наивного» компаративизма, склонного устанавливать причинно-следственные связи между любыми, хоть в чем-то сходными произведениями и выступал против исследователей, анализирующих всякого рода схождения изолированно от общей картины исторического и художественного развития. В этом плане следует отметить его полемику с так называемой «финской школой» по вопросу о происхождении «Калевалы» и о распространении сказки, а также со сторонниками гипотезы о франко-итальянском (опирающемся на старые культурные связи Далматинского побережья) и германском происхождении южно-славянского эпоса. В. М. Жирмунский показал на ряде примеров, что «бродячие» сказочные сюжеты действительно существуют и что нельзя огульно отрицать миграцию сказок, в том числе из Индии, хотя это явление ограничивается относительно небольшим количеством сюжетов, благоприятными социально-историческими условиями и определенными жанрами.

Вслед за своими предшественниками В. М. Жирмунский четко разграничивал виды сравнения: простое сопоставление, затем историко-генетическое, историко-типологическое и сравнение, устанавливающее связи между явлениями на основе международных культурных взаимодействий, обусловленных исторической близостью народов.

В. М. Жирмунский следовал в разработке сравнительно-исторической методики за А. Н. Веселовским, но он обнаружил слабые места в концепции последнего. Он не мог согласиться с тем, что простейшие мотивы зарождаются самостоятельно, а сюжеты, как сложные комбинации мотивов, передаются путем заимствования, так как вероятность совпадения целых комплексов мотивов крайне незначительна.

В отличие от А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунский показал, что область влияний и аналогий не ограничивается мотивами и сюжетами, а охватывает различные стороны идеологии и художественного стиля. Это позволяет сблизить сложные комплексы с учетом национальной специфики, и выявляет внутренние закономерности взаимодействия фольклорных и литературных явлений.

В. М. Жирмунский применял сравнительно-историческую методику чрезвычайно дифференцированно (в соответствии со своей классификацией): главное внимание его было направлено на типологические схождения, в несколько меньшей мере — на генетические (в обоих случаях — с учетом социально-исторической обстановки, обусловившей возможность соответствующих схождений).

В. М. Жирмунский показал, что сказка и баллада были проницаемы для воздействия инонациональных традиций более, чем эпос, и правильно объяснял это явление в частности тем, что героический эпос формируется в ходе этнической консолидации и отражает прежде всего процесс исторического развития от племени к народности и государству; распространение эпоса происходит в значительной степени в ходе этногенеза. Эти идеи блестяще подтверждены им в книге «Сказания об Алпамыше и богатырская сказка», где показано распространение сказаний об Алпамыше по направлениям расселения племен, первоначально входивших в тюркский каганат.

В. М. Жирмунский увязывал типологию сходных мотивов в эпосах различных народов с эволюцией жанра и с определенными стадиями социально-исторического развития. Так, для наиболее ранних ступеней в развитии эпоса, по его мнению, характерно преобладание сходных мотивов, составляющих звенья поэтической биографии героя (чудесное рождение, наречение имени, добывание коня, сватовство и т. п.), а для эпосов феодальной эпохи — уже другие темы, например, немилость князя к богатырю, который, несмотря на эту немилость, спасает государство от иноземных врагов.

Сравнительно-историческое изучение позволило В. М. Жирмунскому глубоко разработать историческую типологию различных эпических жанрообразований. Он выявил огромную роль так называемой «богатырской сказки» в развитии героического эпоса и возвел непосредственно к богатырской сказке, сказания об Алпамыше, об Алмамбете, о Зигфриде, о Волхе, об огненном Вуке.

В других случаях элементы богатырской сказки используются как поэтический реkvизит, как источник отдельных мотивов. Обращаясь к соотношению эпоса с историческим преданием, В. М. Жирмунский сумел, избегая всяческих крайностей, продемонстрировать разную степень историзма в разных памятниках, на разных ступенях эволюции эпоса, в разные эпохи и у разных народов. Так, историзм незначителен в былинке о Вол-

хе, в эпосе об Алпамыше и весьма значителен в некоторых сказаниях о ногайских богатырях. В. М. Жирмунский с виртуозным мастерством отделяет подлинные исторические реалии (он сам открыл их множество для тюркоязычных эпосов) от псевдоисторических претензий эпосов и особенно некоторых фольклористов, ищущих в эпосе отражения слишком удаленных эпох. Он оставил ряд тонких наблюдений относительно различия устных и книжных эпосов, о генезисе народного романа (отчасти эквивалентного рыцарскому книжному роману), о разнообразных стилевых и метрических формах, о соотношении прозы и стиха в эпосе и т. д.

Будучи филологом-германистом по своей основной специальности, В. М. Жирмунский приступил к изучению тюркского эпоса. Ему удалось сделать целый ряд важных конкретных открытий в этой области и одновременно нарисовать глубоко продуманную синтетическую картину развития и распространения эпоса у многочисленных тюркоязычных народов.

Архаические богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири В. М. Жирмунский охарактеризовал как богатырские сказки. Такую же «богатырскую сказку», сложившуюся в предгорьях Алтая в эпоху тюркского каганата, В. М. Жирмунский считал ядром «Алпамыша» (ср. алтайский Алып-Манаш). Сказание об Алпамыше, занесенное огузами в IX—X вв. в низовья Сыр-дарьи, вошло, по его мнению, в эпический цикл Салор-Казана и вместе с ним впоследствии получило отражение в «Китаби Коркут» (рассказ о Бамси Байреке). Кипчакские племена занесли его в Казахстан, Башкирию и на Волгу, о чем свидетельствуют некоторые записки сказок, а кочевые узбеки в начале XVI века принесли его в южный Узбекистан. Сказание получило локализацию в племени кунграт. Здесь же сложилась, наконец, обширная эпосея и возник специфический (по мнению В. М. Жирмунского) и для этой эпосеи, и для других среднеазиатских эпосов исторический фон военных столкновений с калмыками. Древний эпизод «мужа на свадьбе своей жены» в «Алпамыше», как доказывает В. М. Жирмунский, имеет общий с гомеровской «Одессей» восточный источник.

В своих исследованиях о «Манасе» В. М. Жирмунский опроверг гипотезы А. Бернштама и М. Ауэзова о том, что в этом эпосе непосредственно отражаются события из истории енисейских киргизов. Он обратил внимание на целый ряд имен, названий и некоторые другие детали, прямо восходящие к эпохе борьбы с калмыками (ойратами), а также показал тесные связи сказаний о Манасе с «ногайским» эпическим циклом. Находка персидского текста, отразившего более древний этап киргизского сказания о Манасе, подтвердила взгляды исследователя на формирование этой эпосеи. Исключительный интерес представляют до сих пор лишь частично опубликованные результаты разысканий В. М. Жирмунского, относящиеся к сказаниям об Идигэ и ногайских богатырях — его потомках. Эти сказания, как он показал, хотя и вобрали ряд сказочных мотивов (вроде происхождения предков Идигэ от лебединой девы), оказались чрезвычайно богаты верными историческими деталями относительно взаимоотношений Тимура, Тохтамыша и Идигэ и распрей среди потомков знаменитого золотоордынского Мурзы.

В. М. Жирмунскому также удалось реконструировать предысторию огузского эпоса «Деде-Коркут», выделив среднеазиатский пласт (цикл Салор-Казана), отражающий исторические стычки между огузами и печенегами в районе Аральского моря в IX в.; он внес важные уточнения и в понимание более позднего пласта этого эпоса, связанного с туркмено-трапезундскими отношениями.

В. М. Жирмунским был обследован и огузский по своему происхождению, по широкому бытующий у многих народов, героико-романический эпос о Кёр-Оглы.

Исключительную ценность представляют предложенные В. М. Жирмунским анализы метрических схем тюркского эпоса, его взгляды на роль синтаксического параллелизма в генезисе тюркского народного стиха, а также его выводы об устных формах бытования тюркского эпоса.

Разумеется, в краткой заметке нет возможности дать сколько-нибудь обстоятельный и полный разбор трудов академика В. М. Жирмунского по фольклору, показать его огромный вклад в эту область знания. С годами значение его трудов будет осознаваться все сильнее.

Е. М. Мелетинский

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В. М. ЖИРМУНСКОГО

- Английская народная баллада. «Северные записки», Пг., 1916, октябрь.
Die deutsche Kolonien in der Ukraine. Geschichte Mundarten. Volkslied. Volkskunde. Charckow, 1928.
Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dniepr, Wien, 1931.
Проблема фольклора. В кн. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934.
К вопросу об эпитете. В кн. «Памяти П. Н. Сакулина». Сб. статей «Никитинские суб-ботники», М., 1931.

- Проблема формы в германском эпосе. В кн. «Временник отдела словесных искусств», т. 4 — «Поэтика». Л., 1928.
- К вопросу о странствующих сюжетах. Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора. «Изв. АН СССР, Отделение общественных наук», 1935, № 9.
- Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний. «Изв. АН СССР, Отделение общественных наук», 1936, № 3.
- Историческая поэтика А. Н. Веселовского. В кн. «Веселовский А. Н. Историческая поэтика» Л., 1940.
- Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения. В кн. «Труды юбилейной научной сессии V, 1819—1944. Секция филологических наук», Л., 1946.
- Узбекский народный героический эпос. М., 1947. (совместно с Х. Т. Зарифовым).
- Среднеазиатские народные сказители. «Изв. Всесоюзного географического об-ва», 1947, вып. 4.
- Введение в изучение «Манаса». Фрунзе, 1948.
- К вопросу о народном творчестве. «Уч. записки Ленинградского пединститута», 1948, т. 67.
- «Калевала» и финская буржуазная фольклористика. В кн. «Труды юбилейной научной сессии, посвященной 200-летию полного издания „Калевалы“». Петрозаводск, 1950.
- Следы огузов в низовьях Сыр-дарьи. В кн. «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951.
- Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссее» Гомера. «Изв. АН СССР, Отделение литературы и языка», 1957, т. 16, вып. 2.
- Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М., 1958.
- Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии. В кн. «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958.
- Что может дать картографирование фольклора славянских народов для выяснения вопроса о возникновении, истории и современном бытовании произведений народного творчества? В кн. «Сборник ответов на вопросы по литературоведению». М., 1958.
- «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция. «Сов. Востоковедение», 1958, № 4.
- История легенды о Фаусте. В кн. «Легенда о докторе Фаусте». М.—Л., 1958.
- Вопросы генезиса в истории эпического сказания об эпосе «Алпамыш», Ташкент, 1959.
- Жизнь и творчество Гердера. В кн. «Гердер И. Г. Избранные сочинения», М.—Л., 1959.
- Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
- Легенда о призвании певца. В кн. «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960.
- Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера. В кн. «Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах», М., 1950.
- Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.—Л., 1962.
- Огузский героический эпос и «Книга Коркута». В кн. «Книга моего деда Коркута». М., 1962.
- Среднеазиатские народные сказители (традиции и творческая импровизация). М., «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», т. VI, М., 1969.
- Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древне-тюркского народного этического стиха. «Вопросы языка», М., 1964.
- К вопросу о международных сказочных сюжетах. В кн. «Историко-фольклорные исследования», М., 1963.
- Пир Атрея и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе. «Сов. этнография», 1965, № 6.
- О некоторых проблемах теории тюркского стиха. «Вопросы языкознания», 1968, № 1.
- Epic songs and singers in Central Asia. В кн. Nora K. Chadwick and Victor Zhirmunsky. Oral Epics of Central Asia. Cambridge, 1969.